

244

Задачи Архивных
Комиссий

ЖУРНАЛЪ

90-го засѣданія

ТВЕРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

9-го марта 1903 года.

Подъ редакціей члена-правителя дѣлъ И. А. Виноградова.

Въ засѣданіи въ квартирѣ Предсѣдателя присутствовали: Почетный Членъ Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Предсѣдатель Комиссіи И. А. Ивановъ, Товарищъ Предсѣдателя В. И. Колосовъ, члены: О. А. Колодѣй, Н. К. Кононовъ, А. Н. Коняевъ, О. В. Крыжановскій, Е. В. Крыловъ, В. Ф. Кудрявцевъ, свящ. Н. В. Лебедевъ, І. К. Линдеманъ, В. В. Ливотовъ, Н. А. Мазуровъ, В. И. Назаринъ, Н. Н. Овсянниковъ, И. А. Опекаловскій, М. В. Рубцовъ, В. И. Стовичекъ, А. И. Струженскій, свящ. В. И. Струженцовъ, С. А. Харизоме-новъ, Правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ, и завѣду-ющей складомъ изданій Комиссіи А. Л. Терликовъ.

Содержаніе: 1. Памяти члена Комиссіи В. А. Сна-зина. † 16 декабря 1902 года. 2. Одна изъ очеред-ныхъ задачъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Ко-

миссій. Записка члена Комиссии В. Н. Сторожева. 3. О древне-русской одеждѣ. О. В. Крыжановскаго. 4. О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ влияніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверскаго княжества. Н. Н. Овсянникова. 5. О времени происхожденія кольчуги, хранящейся въ Тверскомъ Музеѣ подъ № 955. М. В. Рубцова. 6. Входныя двери въ Троицкой соборной церкви Успенскаго женскаго монастыря въ пор. Александровѣ Владимірской губернии. Н. Н. Овсянникова. 7. Письмо Почетнаго Члена И. Е. Забѣлина. 8. Письмо члена Комиссии В. И. Срезневскаго. 9. Пожертвованіе трехъ гравюръ І. К. Линдеманомъ. 10. Снимокъ съ камня близъ д. Дмитровское Тверскаго уѣзда. С. О. Олышева. 11. Привѣтствіе Археологическому Институту и его Директору въ день двадцатипятилѣтняго юбилея. 12. Денежный отчетъ Комиссии за 1902 годъ. 13. Изданіе рукописи П. О. Симсона о каменномъ вѣкѣ подъ пор. Ржевомъ. 14. Избраніе новыхъ членовъ Комиссии. Н. Н. Колоколовъ. 15. Предсѣдатель Произнесъ рѣчь посвященную памяти члена Комиссии В. А. Сназина, скончавшагося 16 декабря 1902 года. В. В. Ивановъ. 16. Гр! И сегодня наше засѣданіе мы должны начать поминовеніемъ одного изъ искреннихъ друзей нашей Комиссии, нашего дѣла, — Владимира Алексѣевича Сназина. Это былъ человекъ настолько оригинальный, что его нельзя не замѣтить съ перваго же взгляда. Прежде всего онъ обращалъ на себя вниманіе своею внѣшностью. Ни въ какое время года онъ не мѣнялъ своего костюма. Зимой въ 20-градусный морозъ онъ разбѣжалъ по городу безъ галошъ, въ тонкихъ бо-

тинкахъ, въ коротенькой визиткѣ, въ легкомъ пальто безъ рукавовъ и въ столь же легкой фуражкѣ. Точно также и по своему характеру, складу рѣчи и по всей своей дѣятельности онъ болѣе походилъ на иностранца. Но изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался съ ранняго дѣтства, онъ взялъ лишь симпатичныя черты западно-европейской цивилизации, — большую подвижность, стойкость и энергію въ стремленіи къ намѣченной цѣли, строгую регулярность въ образѣ жизни, рѣдкую отзывчивость и величайшую любезность и предупредительность въ обращеніи со всѣми безъ различія ранговъ и общественнаго положенія. Полагаю, что ни одного письма онъ не оставлялъ безъ отвѣта, такъ что покойный нашъ сочленъ, можно сказать, осуществилъ тотъ гуманный идеалъ, который хотѣли привить русскому обществу XVIII вѣка просвѣщенные его руководители, — «любезность или благородное учтивство». Всѣ эти качества покойный проявилъ главнымъ образомъ въ своей земской дѣятельности, гдѣ и долженъ остаться наиболее замѣтный слѣдъ. Безъ сомнѣнія, это и отмѣтятъ талантливые ораторы Тверскаго Земства, когда соберутся почтить своего старѣйшаго и дѣятельнѣйшаго сочлена, смерть котораго совпала съ окончаніемъ послѣдней сессіи Губернскаго Земскаго Собранія. Я же долженъ представить Вамъ здѣсь доказательства его сочувственнаго отношенія къ нашей работѣ, что мнѣ представляется весьма нетруднымъ. Владимиръ Алексѣевичъ сдѣлался нашимъ членомъ недавно, но успѣлъ и самъ сдѣлать пожертвованіе на наши нужды, и, по своему обыкновенію, горячо ра-

товаль за насъ въ Земскихъ Собраніяхъ—Тверскомъ Губернскомъ и Уѣздномъ Вышневолоцкомъ. Усиліямъ его и другихъ нашихъ друзей мы обязаны тѣмъ, что въ 1901 и 1902 гг. Тверское Губернское Земство ассигновало намъ на предстоящій археологическій съѣздъ единовременно по 500 рублей, не смотря на то, что Губернская Управа не только не проектировала такихъ ассигновокъ, но даже предлагала въ истекшемъ году сократить ежегодную субсидію на половину—съ 300 р. на 150. Особенно же энергично отстаивалъ наши интересы В. А. въ Вышневолоцкомъ Уѣздномъ Земскомъ Собраніи. Вотъ письмо его отъ 4 октября 1902 года, въ которомъ онъ объясняетъ, почему онъ протестовалъ противъ ассигнованія Вышневолоцкимъ Уѣзднымъ Земскимъ Собраніемъ ста рублей на нужды Комиссии:

«Въ виду предстоящаго въ 1903 году въ городѣ Твери археологическаго съѣзда, Вышневолоцкое Уѣздное Земское Собраніе утвердило субсидію въ пользу Архивной Комиссии въ размѣрѣ ста рублей, причѣмъ въ числѣ меньшинства, то есть противъ субсидіи, былъ и я. Для предупрежденія недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть отъ моего образа дѣйствій въ данномъ случаѣ, я считаю необходимымъ объяснить, что мною поданъ голосъ въ отрицательномъ смыслѣ только потому, что я считаю вопросъ, или вѣрнѣе выразиться, мотивы неправильно редактурированными; ассигновка никоимъ образомъ не должна быть вызвана исключительною случайностью, а сочувствіемъ къ трудамъ Архивной Комиссии и въ пособіе на усиленіе ея издательской дѣятельности и расширеніе ея трудовъ въ области сохраненія нашихъ историческихъ

древностей, то есть, признаніемъ ея полезности на такихъ основаніяхъ, которыя могли бы служить прецедентомъ для полученія и на будущее время пособія, что при настоящей редакціи вопроса не представляеть возможности».

Послѣ рѣчи почетнымъ членомъ Высокопреосвященнымъ Димитріемъ, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, была прочитана заупокойная молитва о скончавшемся рабѣ Божіемъ Владимірѣ.

2. Записка члена Комиссии В. Н. Сторожева: «Одна изъ очередныхъ задачъ Губернскихъ Архивныхъ Комиссій»¹⁾.

Мм. гг! Настоящее собраніе археографической комиссії, состоящей при Императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ, я имѣю честь познакомить въ общихъ чертахъ съ тѣмъ запросомъ, который былъ представленъ мною, какъ представителемъ Нижегородской, Рязанской и Тверской губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, на усмотрѣніе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда, имѣющаго состояться въ 1905 г. въ гор. Екатеринославѣ. Какъ вамъ хорошо извѣстно, программа ученыхъ занятій нашихъ археологическихъ съѣздовъ, устраиваемыхъ Московскимъ археологическимъ обществомъ, отличается весьма значительнымъ кругомъ интересовъ; она охватываетъ собой не только основные вопросы русской археологии и русской археографіи, но также и русской исторіи въ широ-

¹⁾ Читано въ соединенномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и состоящей при немъ Археографической Комиссії.

комъ смыслъ этого научнаго понятія: быть государственный и общественный, юридическій и хозяйственный строй, равнымъ образомъ духовная культура русскаго народа—все это предметы, по которымъ наши археологическіе съезды ставятъ нынѣ запросы и порою даютъ посильные отвѣты. Сколь широкое толкованіе вообще склонны придавать задачамъ дѣятельности съездовъ, показываютъ предложенія, высказанныя въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета 4 и 5 января 1903 г. Представитель одного изъ русскихъ университетовъ заявилъ, что программа археологическихъ съездовъ должна представлять изъ себя не случайную группу отдѣльныхъ секцій, по которымъ можно ожидать поступленія докладовъ или которыя возбуждаютъ особенный интересъ съ точки зрѣнія мѣстнаго археологическаго района, — отнюдь нѣтъ, она должна изображать собой стройную научную схему всего содержанія исторіи, какъ части социологіи, въ ней должны быть соотвѣтственнымъ образомъ расклассифицированы всѣ вспомогательныя научныя дисциплины. Иначе говоря: авторъ предложенія имѣлъ въ виду выставить въ качествѣ программы съезда общую теорію современной исторической науки, изложенную въ формѣ детально разработаннаго плана заголовковъ и рубрикъ. Если программа бывшихъ съездовъ отвѣчала ясно сознаннымъ интересамъ ихъ участниковъ, то новая программа, теоретически разработанная, должна была бы самымъ своимъ появленіемъ создавать интересъ къ новымъ очереднымъ вопросамъ нашей науки, еще не получившимъ надлежащей извѣстности среди широкаго круга лицъ, прикосновенныхъ къ изученію отечественнаго прошлаго;

она не была бы простой отмѣткой существующихъ популярныхъ интересовъ, а играла бы созидательную роль въ дѣлѣ популяризаціи новыхъ научныхъ задачъ. Кто знаетъ необычайную устойчивость, косность старыхъ взглядовъ въ области пониманія исторіи, какъ науки, тотъ, конечно, согласится со мной, что публикація археологическимъ съездомъ новой программы содѣйствовала бы развитію въ нашей провинціи болѣе глубокой и серьезности научныхъ историческихъ интересовъ. Провинція уже ощущаетъ эту потребность въ углубленіи историческаго интереса не менѣе, чѣмъ въ необходимости широкой популяризаціи знанія среди всѣхъ классовъ общества. Вотъ отчего другія предложенія, исходившія отъ представителей ученыхъ и общественныхъ учреждений г. Екатеринослава, касались, съ одной стороны, организациіи ученаго руководительства изъ центра мѣстною подготовительною работою къ будущему съезду, а съ другой—организациіи научно-популярныхъ курсовъ ¹⁾ и доступности археологической и этнографической выставокъ при съѣздѣ для всѣхъ учащихся г. Екатеринослава. Мѣстные представители увѣрены въ извѣстномъ оживленіи научныхъ интересовъ въ области, охватываемой XIII съездомъ, и снабженные неписанными наказами пришедшаго ихъ общества, они просятъ объ организациіи цѣлой серіи публичныхъ лекцій, рассчитанныхъ не на ученую публику, а на простаго обывателя. Наблюдая

¹⁾ Въ такихъ случаяхъ предварительному комитету надлежало бы входить въ сношенія съ лекціоннымъ бюро Комиссіи по организациіи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній въ г. Москвѣ. Срв. Не- приложение къ журналу 58 засѣданія Тверской Архивной Комиссіи 25 января 1896 года.

факты, я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что программа ученыхъ занятій археологическихъ съѣздовъ осуждена на послѣдовательное расширеніе какъ по своему содержанію, такъ и по хронологическимъ предѣламъ этого послѣдняго. Равнымъ образомъ я не думаю, чтобы указанный выводъ не наткнулся на довольно рѣшительныхъ противниковъ, которые стануть возражать съ различныхъ точекъ зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, эти возраженія пока пройдутъ мимо меня, такъ какъ представленный мною на усмотрѣніе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда запросъ входитъ въ предѣлы *старой* программы и опирается на соответственные прецеденты. Запросъ сдѣланъ по отдѣленію, которое на предшествующихъ съѣздахъ носило наименованіе «*намятчики археографическіе*», а для XIII съѣзда переименовано въ отдѣленіе подъ заголовкомъ «*археографія и архивовѣдѣніе*». Вопросы археографіи и архивовѣдѣнія—какъ разъ тѣ самые вопросы, для разработки которыхъ и существуетъ при московскомъ археологическомъ обществѣ археографическая комиссія. По словамъ циркулярнаго обращенія, разосланнаго въ 1897 г. обществомъ въ различнаго рода провинціальныя организаціи, важнѣйшею задачей комиссіи является «*собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ*»; при этомъ общество ставило на видъ, что надлежитъ обратить особенное вниманіе на *частныя* архивы и на *справочныя* архивы при различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ эти архивы, часто весьма цѣнные для науки русской исторіи, остаются послѣдней «*совершенно неизвѣстными*» и нередко гибнутъ без-

слѣдно. Обязанность привести такіе архивы въ извѣстность и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ окажется возможнымъ, дать систематическое описаніе хранящихся въ нихъ документовъ археологическое общество разложило на Комиссію. Въ виду особаго характера моего запроса, я позволю себѣ напомнить, что въ томъ же циркулярномъ обращеніи археологическое общество выдѣлило особо «*дворянъ, имѣющихъ семейные архивы*» и что археографическая комиссія, на основаніи § 1 преподанныхъ ей обществомъ правилъ, въ засѣданіи 8 апрѣля 1897 г. постановила признать одной изъ ближайшихъ задачъ своей дѣятельности «*разработку архивныхъ документовъ, относящихся къ тому или другому вопросу русской исторіи, равно какъ и критическій разборъ такихъ документовъ*».

Если археографическая Комиссія призвана обществомъ къ такой именно дѣятельности, которая только что обрисована, то я позволю себѣ утверждать, что эта дѣятельность въ значительной своей части можетъ быть планомерной и строго приуроченной именно къ очереднымъ вопросамъ науки русской исторіи; она должна стоять на высотѣ этой послѣдней и предпринимать разработку какихъ-либо архивныхъ документовъ не потому, что это—старая бумага, а какая все равно, но именно въ силу того, что тотъ или иной разрядъ документовъ при данномъ состояніи науки получаетъ преимущественное значеніе для ея успѣховъ. Иначе общественное учрежденіе рискуетъ быть мертвымъ, какъ мертвы и бездушны наши казенные столичные архивы, куда очень боятся пускать лучи знанія и свѣта, гдѣ все еще думаютъ обойтись приемами стараго канцелярскаго письма.

Организація планомѣрной коллективной работы по одному изъ очередныхъ вопросовъ науки представляется поэтому весьма желательной въ нашей Комиссiи; такая работа нисколько не мѣшаетъ обычной дѣятельности, вызываемой либо случайными поступлениями архивныхъ документовъ въ Комиссiю, либо какими-нибудь специальными интересами отдѣльных ея членовъ; я настаиваю лишь на томъ, что эта планомѣрная коллективная работа должна быть выдвинута на первый планъ и какъ разъ врываться въ кипучій водоворотъ современныхъ требованiй исторической науки. Быть можетъ, такая постановка дѣла встрѣтитъ тоже своихъ противниковъ, которые будутъ доказывать благія пожеланiя о пользѣ ограниченiя научныхъ горизонтовъ опредѣленными объектами изучения въ предѣлахъ опредѣленнаго цикла древнихъ вѣковъ. Полемицировать съ такимъ воззрѣнiемъ сейчасъ, конечно, не время, и я думаю, что такой споръ былъ бы столь же бесполезнымъ, насколько является законнымъ желанiе каждаго отдѣльнаго лица заниматься такимъ специальнымъ предметомъ, какимъ оно хочетъ. Кромѣ того, и въ отношенiи археографической Комиссiи я опираюсь на соответственные прецеденты: въ собранiяхъ Комиссiи уже обсуждались темы по XVIII в., я двигаюсь въ этомъ направленiи нѣсколько далѣе и призываю къ изученiю архивныхъ документовъ прошлаго вѣка. Вышеизложеннымъ ограничиваются мои оправданiя въ томъ, что и въ предварительномъ комитетѣ по устройству XIII археологическаго сѣзда, и въ настоящемъ собранiи археографической Комиссiи я позволю себѣ совершить набѣгъ на архивные документы XIX в. Такъ, какъ къ отвѣту

на свой запросъ я предлагаю привлечь въ широкихъ размѣрахъ силы губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссiй, то считаю необходимымъ оговорить, что эти провинциальныя учрежденiя¹⁾ нисколько не чуждаются документовъ по исторiи XIX в. и начали заниматься ими еще въ томъ же самомъ вѣкѣ. Ни въ правѣ, ни въ охотѣ Комиссiй изучать исторiю Россiи XIX столѣтiя по архивнымъ документамъ сомнѣнiй быть не можетъ; наоборотъ, надо думать, что это изученiе будетъ очень ревностнымъ, если удастся организовать коллективную разработку одного изъ самыхъ живыхъ вопросовъ экономической исторiи Россiи.

Постановленiемъ предварительнаго комитета 5 января 1903 г. включена въ обычный списокъ вопросовъ и запросовъ подготавлиаемаго археологическаго сѣзда нижеслѣдующая предложенная мною формула запроса: «Привести въ извѣстность и составить описанiе архивныхъ документовъ, представляющихъ собою источники для изученiя исторiи крѣпостнаго помѣщичьяго хозяйства въ Россiи XVIII и первой половины XIX вв. (материалъ хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, приходо-расходныхъ книгъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ и всякаго рода хозяйственной переписки, мѣсто храненiя—старыя дворянскiя усадьбы)». Для предварительнаго комитета XIII археологическаго сѣзда пришлось мотивировать право этого запроса²⁾ на особенное къ нему внима-

¹⁾ См. мои замѣчанiя о комиссiяхъ въ статьѣ «Отголоски харьковскаго археологическаго сѣзда» на стр. 125—126 въ журналѣ *Русская Мысль*, декабрь, 1902 г. срв. тамъ же мартъ 1903 г., стр. 191—204 и въ IV-ой книгѣ «Научнаго Слова» 1903 г., стр. 149—152.

²⁾ Мною поставленъ также запросъ слѣдующаго содержанiя: «Привести

ние со стороны ученыхъ обществъ и отдельныхъ лицъ, которыя пожелаютъ произвести для XIII съезда работу, выходящую за предѣлы исключительно областныхъ историческихъ интересовъ южной Россіи. Въ настоящую минуту мнѣ хотѣлось бы обезпечить за приведенной выше формулой санкцію московскаго археологическаго общества, какъ ученаго учрежденія, которое черезъ состоящую при немъ археографическую Комиссію можетъ быть связано съ провинціальными архивными Комиссіями неразрывными родственными связями. Мое утвержденіе заключается въ томъ, что представленный мною запросъ слѣдуетъ признать *очереднымъ* по своему научному содержанию и *экстреннымъ* по своему положенію въ нашей текущей дѣятельности. За розыски, описаніе и разработку источниковъ по исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія слѣдуетъ приняться немедленно, широко воспользовавшись своеобразнымъ сочетаніемъ силъ и вліяній предстоящаго археологическаго съезда, губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и московскаго археологическаго общества съ археографическою Комиссіей, при чемъ, по самому роду своихъ научныхъ занятій призванной взять на себя всю инициативу пронаганды этой работы. Последняя, если можно такъ выразиться, получаетъ *научно-воспитательное* значеніе для прочной постановки планомѣрной коллективной работы такихъ цѣнныхъ провинциальномъ комитетъ по устройству XIII археологическаго съезда. О результатахъ этого съезда см. въ изданіи «Труды областного съезда изслѣдователей исторіи и древностей ростовско-суздальской земли». М., 1902 г., in quarto, изданіемъ П. А. Вахрамьева.

циальныхъ организацій, какими являются у насъ архивныя Комиссіи. Вѣдь если я не ошибаюсь, одной изъ задачъ археологическихъ съездовъ является возбужденіе мѣстныхъ научно-историческихъ интересовъ и воспитаніе привычки къ систематической коллективной работѣ въ строго научной области, чуждой какихъ-либо предвзятыхъ и грубыхъ тенденцій. Археологическіе съезды работали въ указанномъ направленіи такъ усердно, а Губернскія Ученныя Архивныя Комиссіи оказались такими внимательными ученицами московскаго археологическаго общества, что въ настоящий моментъ мы наблюдаемъ прекрасную зарю научной общественной самодѣятельности въ русской провинціи: однѣ изъ Архивныхъ Комиссій сдѣлали попытки устройства публичныхъ лекцій, другія—областныхъ съездовъ. Такъ, въ августѣ ¹⁾ 1901 года состоялся въ г. Ярославлѣ *первый* областной историко-археологическій съездъ для изученія древней ростовско-суздальской земли; въ г. Твери имѣетъ состояться въ августѣ 1902 г. второй областной историко-археологическій съездъ изслѣдователей исторіи и древностей новгородской и ростовско-суздальской областей и представителей всѣхъ Архивныхъ Комиссій въ Россіи; по имѣющимъ въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ намѣчается и третій областной историко-археологическій съездъ. Очевидно, что Ученныя Архивныя Комиссіи многому научились на археологическихъ съездахъ, во главѣ которыхъ стоитъ московское

¹⁾ О результатахъ этого съезда см. въ изданіи «Труды областного съезда изслѣдователей исторіи и древностей ростовско-суздальской земли». М., 1902 г., in quarto, изданіемъ П. А. Вахрамьева.

археологическое общество, и археографическая Комиссия въ правѣ рассчитывать на ихъ поддержку и сочувствіе къ разработкѣ предложеннаго мною на усмотрѣніе XIII археологическаго съезда запроса.

Изученіе хозяйственной истории России вообще и въ частности истории сельскаго хозяйства, изученіе, поставленное на строго научныя основанія, едва начато въ нашей наукѣ; весьма естественно, что у насъ и въ данной области, какъ то было раньше при изученіи русскаго юридическаго быта, смѣлое и порою нѣсколько беспочвенное теоретическое построеніе предшествуетъ тщательному собранію, описи и анализу историческихъ источниковъ. Явленіе, позволительное для 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, представляется мнѣ непростительнымъ для начала XX вѣка, когда, казалось бы, долженъ былъ доминировать элементъ сознательнаго научнаго творчества и отсутствовать стихійная случайность или наивная любознательность одиноко поставленной въ своей работѣ личности. Капитальнымъ вопросомъ хозяйственной истории России, научная цѣнность котораго соперничаетъ съ его практическимъ интересомъ, является паденіе крѣпостнаго крестьянскаго труда, созданное актомъ 19 февраля 1861 г. и въ свою очередь создавшее рядъ безчисленныхъ послѣдствій; съ этими послѣдствіями считается современная русская действительность, они начинаютъ привлекать усиленное вниманіе ученаго, въ нихъ отчасти призваны разобраться недавно организованные сельско-хозяйственные комитеты. Изученіе эволюціи крѣпостнаго помѣщичьяго хозяйства еще ждетъ своего изслѣдователя, который въ настоящую минуту будетъ безпомощнымъ за от-

сутствіемъ надлежаше собраннаго и описаннаго материала. Я позволю себѣ напомнить по этому поводу прекрасныя слова П. Б. Струве въ его историческомъ этюдѣ: *) «Основные моменты въ развитіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ» (въ журналѣ *Миръ Божій* за 1899 г., № 10—12), такъ какъ лучшей обрисовки затронутой темы искать не приходится. «До сихъ поръ, — пишетъ П. Б. Струве (стр. 181), — при изслѣдованіи истории крестьянъ и такъ называемаго крестьянскаго вопроса за послѣдніе два вѣка преимущественное вниманіе обращалось на слѣдующіе пункты: какъ росла, развивалась и крѣпла идея освобожденія крестьянъ (В. И. Семевскій), какъ произведена была крестьянская реформа (И. И. Иванюковъ, Н. П. Семеновъ), каковъ балансъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ для крестьянскаго населенія (Ю. Э. Янсонъ); наконецъ, даже въ отношеніи реальныхъ условій прошлаго интересъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, направлялся на то, какъ жилось крестьянину при крѣпостномъ режимѣ (В. И. Семевскій: «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II»). Интересъ этихъ вопросовъ безспоренъ и научное выясненіе ихъ было и остается чрезвычайно важнымъ. Но ихъ разработкой не можетъ и не должно ограничиваться изслѣдованіе цѣлаго строя аграрныхъ отношеній. Этотъ строй означалъ не только извѣстный правопорядокъ, которымъ обуславливалось положеніе порабощенныхъ крестьянъ, но и извѣстную организацию производства

*) Къ сожалѣнію, названный въ текстѣ историческій этюдъ не вошелъ въ книгу: *Петръ Струве: «На разные темы»* (1893—1901 г.г.). Сборникъ статей. СПб., 1902 г.

или еще шире хозяйства. И даже независимо отъ какого-либо пристрастия къ такъ называемымъ материалистическимъ или, попросту говоря, экономическимъ объясненіямъ исторіи, для пониманія происхожденія, жизни и развитія крѣпостного строя необходимо предположить извѣстное соотвѣтствіе между его юридической формой—крѣпостнымъ правопорядкомъ и его экономическимъ содержаніемъ—крѣпостнымъ хозяйствомъ. Форма существовала ради своего содержанія. Какова же была жизнь этого содержанія, какъ развивалось оно и къ чему приводило это развитіе? Поставить этотъ вопросъ,—заключаетъ П. Б. Струве,—значитъ ввести въ изслѣдованіе исторіи крестьянства недостающій основной членъ—крѣпостное хозяйство. Только изслѣдовавъ крѣпостное хозяйство, мы будемъ въ состояніи сказать, чѣмъ же опредѣлялось существованіе крѣпостного строя и почему онъ палъ. Не думаю, чтобы мнѣ надо было тратить слова передъ ученымъ собраніемъ для доказательства того, что въ нашей наукѣ вопросъ о причинахъ паденія крѣпостного крестьянскаго труда надо признавать очереднымъ и что послѣднее никакъ не можетъ быть изясняемо исключительно смѣною однихъ идей другими, что не одни Радищевы и Новиковы виноваты въ послѣдовательномъ ростѣ идеи освобожденія. Именно вопросъ объ *экономическихъ* причинахъ паденія крѣпостного права занимаетъ теперь особенное вниманіе изслѣдователя; наиболее сильно ставить его въ современной литературѣ Н. А. Рожковъ, который въ шестой главѣ своего краткаго очерка ¹⁾ экономической исторіи Рос-

¹⁾ Книга Н. А. Рожкова является своего рода отвѣтомъ на поставлен-

сін «Городъ и деревня въ русской исторіи» впервые, если не ошибаюсь, даетъ чрезвычайно остроумную и остро формулировку, которой не достаетъ только надлежащаго документальнаго обоснованія. Экономическая подкладка крестьянскаго вопроса сознавалась нѣкоторыми уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, а современные изслѣдователи тщетно препираются между собою на тему: слѣдуетъ ли искать основной причины паденія крѣпостного права въ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства (Н. А. Рожковъ) или же въ условіяхъ обрабатывающей промышленности (П. Б. Струве). Споръ неразрѣшимъ до того момента, пока наука не получитъ въ свое распоряженіе новыхъ источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства. Одна изъ статей того же Н. А. Рожкова: «Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ крѣпостного права» (въ журналѣ *Миръ Божій* за 1902 г., № 2) живо рисуетъ это докурье за безпомощное положеніе современнаго историка, рвущагося къ изученію хозяйства крѣпостной вотчины. Авторъ признаетъ, что наблюденія надъ *отдельными* на выборъ взятыми хозяйствами имѣютъ извѣстную цѣну для разрѣшенія поставленнаго вопроса, но «лишь въ томъ случаѣ, когда матеріалъ достаточно обилителенъ, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать; нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически» (стр. 77).

Въ 1902 году мною XII археологическому съезду въ г. Харьковѣ запросъ объ «Основныхъ моментахъ экономической исторіи Россіи до реформы 19 февраля 1861 года».

161). Авторъ и заканчиваетъ свою статью (стр. 165) увѣреніемъ, что интересъ къ вопросу общэкономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права сильно обостряется и что «правильное его разрѣшеніе зависитъ отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, приходо-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала, еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть, его спасеніемъ каждый можетъ оказать неоцѣнимую услугу исторической наукѣ». Такъ, въ настоящее время споръ, отъ разрѣшенія котораго въ опредѣленномъ смыслѣ зависитъ все движеніе науки по экономической исторіи Россіи, грозитъ мучительная приостановка, такъ какъ ничего не дѣлается у насъ для сохраненія, описанія и обработки основныхъ источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи XVIII и XIX столѣтій. Источники эти — документальное богатство старыхъ дворянскихъ усадьбъ: матеріалъ до преимуществу статистическаго характера — хозяйственные отчеты, старые счета, приходо-расходныя книги, наказы бурмистрамъ и нарядчикамъ, старостамъ и всякаго рода сельско-хозяйственная переписка. Это именно такого рода документы, которыми мало или не овсѣмъ въ негѣ дорожили дворянскіе землевладѣльцы второй половины прошлаго вѣка, не понимая ихъ научной цѣнности, сухія цифры былаго хозяйства мало говорили ему и сердцу землевладѣльца пореформенной эпохи, порою съ презрѣніемъ взирающаго на земледѣліе и рвавшагося къ другимъ отраслямъ народной экономіи, получившимъ съ момента крестьянскаго освобожденія широкое развитіе. Драгоцѣнные для науки источники, не возбуж-

дая ничего просвѣщеннаго вниманія, гибли массами, и если теперь немедленно и горячо не приняться за ихъ спасеніе, то мы непристойно потеряемъ возможность строгого научнаго изученія прошлыхъ судебъ русскаго сельскаго хозяйства, долгое время находившагося въ рукахъ нашего помѣстнаго дворянства. Мнѣ думается, что пользованіе этимъ матеріаломъ не можетъ встрѣтить препятствій со стороны его владѣльцевъ: матеріалъ этотъ не представляетъ никакаго фамильнаго интереса, не заключаетъ въ себѣ никакихъ фамильныхъ секретовъ, въ немъ вовсе отсутствуетъ неприятный или наоборотъ льстящій самолюбію фамиліи анекдотъ, — однимъ словомъ, для человека, не занимающагося хозяйственной исторіей Россіи, это — хламъ старыхъ цифръ, отъ котораго съ удовольствіемъ можно отдѣлаться... Но въ тотъ часъ, когда этотъ драгоцѣнный для насъ матеріалъ исчезаетъ и исчезаетъ съ необычайною легкостью и быстротой. Позволю себѣ привести здѣсь одно впечатлѣніе изъ времени моего студенчества, которое живо сохраняется въ моей памяти и съ особеннымъ удовольствіемъ припоминается въ данную минуту. Если не ошибаюсь, именно слѣдомъ 1886 года мнѣ пришлось посѣтить старую крѣпостную вотчину Воронцовыхъ, село Андреевское, во Владимірской губерніи. Тамъ сохранился старый домъ, театръ, удивительная портретная галерея римскихъ папъ... Каждая подробность съ замѣчательною силой говоритъ тамъ о навсегда исчезнувшемъ крѣпостномъ бытѣ. Человека съ историческимъ вкусомъ цѣликомъ окватываетъ эта атмосфера былой барской жизни и не только въ самомъ домѣ, но и кругомъ него, на всемъ усадибѣ, какъ сказала

бы помѣщикъ XVII вѣка. Въ домашнемъ театрѣ любезный хранитель этой крѣпостной руины при помощи сохранившагося аппарата воспроизвелъ раскаты грома, когда-то долженствовавшаго приводить въ трепетъ доморожденныхъ актеровъ и актрисъ. Нѣсколько мгновеній спустя приотворили дверь въ какое-то полутемное помещеніе, въ которомъ можно было разглядѣть труды документовъ, то былъ воронцовскій архивъ, одинъ изъ такихъ архивовъ, какіе мы теперь должны искать, ради обнаруженія и разработки, которыхъ предпринято настоящее сообщеніе. Мы объяснили, что все исторически занятное и цѣнное не здѣсь, а въ Москвѣ, взято извѣстнымъ московскимъ издателемъ историческаго журнала и что остался негодный хламъ — старые счета, приходо-расходныя записи, наряды на работу! Этотъ хламъ намъ теперь въ иныхъ случаяхъ гораздо дороже исторически занятнаго, съ аппетитомъ отобраннаго почтеннымъ московскимъ издателемъ. Если этотъ матеріалъ воронцовскаго архива, который я видѣлъ въ 1886 году, по счастливой случайности сохранился до настоящей минуты, то надлежитъ употребить всѣ усилія, чтобы онъ сдѣлался доступнымъ для научнаго изученія. Мало этого, надо употребить всевозможныя старанія, чтобы намъ стало извѣстнымъ наибольшее количество подобныхъ архивовъ, мѣстами, несомнѣнно, сохранившихся въ старыхъ усадьбахъ. Пусть только новые представители стараго дворянства, усидѣвшіе на своихъ прародительскихъ гнѣздахъ, дадутъ намъ знать о своихъ собраніяхъ и предоставятъ возможность ихъ описать и разработать, они такимъ образомъ докажутъ вновь окажутъ наукѣ крупныя услуги, какъ бы вспомнивъ труды представителей своего сословія по части науки

и литературы въ первой половинѣ XIX вѣка. Объединяющими областными центрами этой спасательной работы могутъ и должны быть прежде всего Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи. Пусть онѣ, каждая въ своей губерніи, распространяютъ свѣдѣнія о цѣнности для науки русской исторіи указаннаго выше матеріала, пусть онѣ его разыскиваютъ въ дворянскихъ усадьбахъ, описываютъ и, если можно, собираютъ. Для насъ важно имѣть на первое время хотя бы простой указатель имѣній, въ которыхъ сохранились архивныя собранія съ документами по крѣпостному помѣщичьему хозяйству. Если я настаиваю на мысли, что прежде всего Архивнымъ Комиссіямъ должно заняться этимъ дѣломъ, то моя настойчивость является въ силу двоякаго рода соображеній: соображеній непосредственнаго практическаго удобства и затѣмъ соображеній, если такъ позволительно сказать, научно-воспитательнаго характера, не говоря уже о томъ, что Комиссіи самимъ закономъ призваны къ такой работѣ розыска, сохранения и описанія цѣнныхъ архивныхъ документовъ. Во-первыхъ, Архивныя Комиссіи всего лучше могутъ знать старыя дворянскія усадьбы въ своихъ губерніяхъ, завязать съ ними надлежащія связи и даже получить въ свои историческіе архивы самыя документы по исторіи крѣпостнаго хозяйства, ибо послѣдними, какъ я имѣлъ случай выше замѣтить, мадо дорожатъ сами владельцы. Во-вторыхъ, подобнаго рода коллективный трудъ будетъ содѣйствовать объединенію дѣятельности Архивныхъ Комиссій, къ чему многія изъ нихъ совершенно справедливо стремятся, но пока не находятъ удобныхъ путей. Рѣчь идетъ, конечно, не о формальномъ объединеніи, а о систематизаціи, планомѣрности и внутреннемъ един-

ствѣ ихъ научной политики. Пора, наконецъ, представлять комиссіямъ увлекаться случайными любительскими задачами, пора отъ невольнаго и на первое время вполне извинительнаго диллетантизма перекочевать въ сторону строгой научности, въ сторону планомерной и систематической организации ученой работы соответственно очереднымъ вопросамъ науки. Не герои и случаи — предметъ научной исторической работы, а реальная жизнь, ея нормальное течение и послѣдовательное развитіе. Не примѣры, выхваченные тамъ и сямъ, даютъ возможность стройнаго воссозданія былой дѣйствительности, а болѣе или менѣе значительная совокупность историческихъ источниковъ, собранныхъ на цѣлой территоріи за *весь* хронологическій промежутокъ того или другаго историческаго момента, той или другой стороны историческаго процесса. Въ отношеніи затронутой мною темы — воссозданія исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи — громадность матеріала своего рода *conditio sine qua non*. Вотъ почему *всѣ* архивныя комиссіи надо увлечь этой работой надъ сохраненіемъ одного изъ драгоценныхъ источниковъ для хозяйственной исторіи крупнѣйшаго земледѣльческаго государства въ Европѣ, какимъ давно признаютъ наше отечество. Если предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда, согласно моему запросу, обратится къ архивнымъ комиссіямъ съ предложеніемъ предпринять розыски источниковъ по исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи, то такое предложеніе не будетъ для нихъ неожиданностью. Опытъ подобнаго обращенія уже былъ произведенъ мною года четыре тому назадъ. Одна изъ Архивныхъ Комиссій, Нижегородской губернской канцунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея», сдѣлала постановленіе въ желательномъ для меня смыслѣ. Въ письмѣ председателя Нижегородской Комиссии отъ 17 марта 1900 г., за № 54, сказано въ отвѣтъ на мое предложеніе: «По вопросу о принятіи на себя инициативы въ осуществленіи предложенія вашего о разработкѣ матеріаловъ по исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи, Комиссія (въ засѣданіи 5 марта 1900 года) изъявила полное свое согласіе и готовность, при условіи лично вашихъ въ этомъ дѣлѣ указаній и содѣйствія». Живо выраженное сочувствіе моему предложенію я нашелъ также въ «Трудахъ» Пермской Архивной Комиссии, не говоря уже о Рязанской, открывшей изслѣдованія подобнаго рода извѣстной статьей князя Н. С. Волконскаго: «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Для меня эта статья имѣетъ большую цѣну прежде всего въ смыслѣ крупной инициативы работать въ области исторіи крѣпостнаго хозяйства, проявленной Рязанскою Комиссіей, которая печатала также рядъ статей А. Д. Повалишина по исторіи крѣпостнаго быта¹⁾. Въ литературѣ она встрѣтила восторженную оцѣнку со стороны П. Б. Струве, который увлекся ею, какъ рѣдкимъ явленіемъ въ нашей наукѣ. «Значеніе этой работы, — пишетъ названный авторъ (цит. сочин., стр. 182), — обусловли-

городская, напечатавшая въ своихъ «Дѣйствіяхъ» трудъ В. И. Снѣжневскаго «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губернии наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея», сдѣлала постановленіе въ желательномъ для меня смыслѣ. Въ письмѣ председателя Нижегородской Комиссии отъ 17 марта 1900 г., за № 54, сказано въ отвѣтъ на мое предложеніе: «По вопросу о принятіи на себя инициативы въ осуществленіи предложенія вашего о разработкѣ матеріаловъ по исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи, Комиссія (въ засѣданіи 5 марта 1900 года) изъявила полное свое согласіе и готовность, при условіи лично вашихъ въ этомъ дѣлѣ указаній и содѣйствія». Живо выраженное сочувствіе моему предложенію я нашелъ также въ «Трудахъ» Пермской Архивной Комиссии, не говоря уже о Рязанской, открывшей изслѣдованія подобнаго рода извѣстной статьей князя Н. С. Волконскаго: «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Для меня эта статья имѣетъ большую цѣну прежде всего въ смыслѣ крупной инициативы работать въ области исторіи крѣпостнаго хозяйства, проявленной Рязанскою Комиссіей, которая печатала также рядъ статей А. Д. Повалишина по исторіи крѣпостнаго быта¹⁾. Въ литературѣ она встрѣтила восторженную оцѣнку со стороны П. Б. Струве, который увлекся ею, какъ рѣдкимъ явленіемъ въ нашей наукѣ. «Значеніе этой работы, — пишетъ названный авторъ (цит. сочин., стр. 182), — обусловли-

¹⁾ Рязанскою же комиссіей издаются подъ моей редакціей «Писцовыя книги Рязанскаго края» (вышло два выпуска, третій выйдетъ въ теченіе 1903 года).

вается тѣмъ, что авторъ (самъ, повидимому, помня-
щій крепостное время) сознательно и съ большимъ
искусствомъ прилагаетъ къ крепостному хозяйству
эволюционную точку зрѣнія. Благодаря этому онъ,
оперируя надъ ограниченнымъ, но типичнымъ мате-
риаломъ, пришелъ къ выводамъ, которые подтвер-
ждаются болѣе обширнымъ матеріаломъ и весьма хоро-
шо укладываются въ цѣльную и стройную картину
жизни и развитія крепостного хозяйства. Даже самыя
ошибки князя Волконскаго чрезвычайно поучительны:
онѣ вытекаютъ изъ въ высшей степени присущаго
этому изслѣдователю о плодотворнаго стремления дать
научное объясненіе интересующихъ его явленій». После
такихъ иллюстрацій позволяю себѣ выразить надежду,
что ниводна изъ губернскихъ архивныхъ комиссій,
вспомоществуемыхъ благожелательствомъ и сознаниемъ
важности дѣла мѣстнаго дворянства, не откажется
отъ настоящаго вопроса, предлагаемаго вниманію XIII
археологическаго съезда и московскаго археологиче-
скаго общества. *Нѣсколько выше я назвалъ свой запросъ не только
очереднымъ, но и назвалъ его экстреннымъ по своему
положенію въ текущей дѣйствительности. Экстрен-
ность его, по моему мнѣнію, двоякаго рода: во пер-
выхъ, надо спѣшить съ поисками и спасеніемъ этого
въ подавляющихъ размѣрахъ статистическаго источ-
ника, ибо въ противномъ случаѣ намъ грозитъ по-
стыдный жребій потерять все или почти все, а во вто-
рыхъ, желательно спѣшить именно теперь, въ минуты
нѣкотораго областного оживленія въ сторону нуждъ
и задачъ нашего сельскаго хозяйства, долго находив-
шагося въ загонѣ со стороны нашихъ финансовыхъ*

сферѣ. Ничто такъ не помогаетъ болѣе объективному,
спокойному и обдуманному и живому пониманію той
или другой вещи въ современности, какъ глубокое
проникновеніе въ ходъ ея закономъ блага историче-
скаго развитія. Кто не знаетъ, какъ бурно и страстно,
а потому порою и слѣпо обсуждался въ русской лите-
ратурѣ вопросъ о крестьянской общинѣ въ Россіи,
сколькимъ страннахъ странностяхъ наговорено было и
противниками, и сторонниками, иногда видными пред-
ставителями въ литературѣ, но гораздо лучше знав-
шими толкъ въ тонкихъ построенияхъ Гегелевой схе-
мы, нежели въ историческихъ судьбахъ общины въ
своемъ отечествѣ, обратившей на себя вниманіе *рус-
скихъ* людей благодаря указанію *иностраннаго* барона.
Пусть опыты прошлаго насъ чему-нибудь научить,
не будемъ ждать приѣзда въ нашу Россію иностран-
наго барона, который искуснымъ и почеркомъ своего
пера сталъ бы указывать: Господа! у васъ въ ста-
рыхъ дворянскихъ усадьбахъ есть кое-гдѣ драгоцѣн-
ный матеріалъ, соберите же его, изучите, онъ спосо-
бенъ подарить насъ, европейцевъ, любопытными по-
строениями для общей схемы хозяйственной эволюціи
европейскихъ государствъ. Если наша археографиче-
ская комиссія и губернскаго ученая архивная комис-
сія не хотятъ дожидаться искуснаго пера знатнаго
иностранца, то пусть теперь же примутся за собира-
ніе возможно большаго количества свѣдѣній по мате-
ріалѣ для исторіи крепостнаго хозяйства и за собира-
ніе самаго матеріала и наконецъ, за его описаніе по
однообразной программѣ, однообразной, конечно, въ
своихъ основныхъ чертахъ. Къ тому же, по вопросу
о программѣ есть еще время поговорить на второмъ

областномъ създѣ въ г. Твери въ августѣ 1903 г. Настаивая на сосредоточеніи той или другой части ученыхъ силъ губернскихъ архивныхъ комиссій на одной систематической работѣ, очередной и экстренной, въ имѣю въ виду, быть можетъ, лишній разъ указать на необходимость разумной организациі у насъ ученой работы. Желаній работать въ научной области у насъ немало, но умѣнье направить свой трудъ на то, на что именно слѣдуетъ, встрѣчается рѣдко. Прошлое нашей науки показываетъ къ тому же очень слабую склонность работать коллективно надъ источниками, важность историческаго значенія которыхъ повторяется на разные лады, но которые даютъ плодотворные результаты только при массовомъ ихъ изученіи на значительномъ хронологическомъ промежуткѣ. Такъ, пропущено было время для систематическаго изученія писцовыхъ и переписныхъ книгъ. А дѣйствительность не ждетъ, теперь выдвигаются все новые вопросы и привлекать надлежитъ все новые и новые источники. Не даромъ П. Н. Милуковъ, мотивируя появленіе въ свѣтъ своихъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» при современномъ состояніи русской исторической науки, весьма часто не могущей давать отвѣты на запросы нынѣшняго изслѣдователя отечественнаго прошлаго, писалъ, что потребность въ сводной работѣ, подобной «Очеркамъ», чувствуется не только среди читающей публики, но и среди самихъ специалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ». «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ, но са-

ими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя дадутъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, специальному изслѣдованію». «Привлеченіе къ такой работѣ специалистовъ, заключаетъ г. Милуковъ, и разумная организациа ученой работы, которая теперь съ такою расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало бы, — эти задачи дороги и близки автору, въ качествѣ специалиста». Въ нашемъ случаѣ какъ разъ умѣстно повторить эти прекрасныя слова, въ надеждѣ найти кое-гдѣ въ дворянскихъ усадьбахъ потребный матеріалъ и перетащить его въ архивныя комиссіи. По крайней мѣрѣ въ историческихъ архивахъ нѣкоторыхъ комиссій, какъ извѣстно, уже хранятся дѣла изъ частныхъ дворянскихъ архивовъ. Такъ, въ архивѣ саратовской комиссіи были получены документы, присланные мѣстными дворянами и относящіеся къ фамиліямъ Шахматовыхъ, Панчулидзевыхъ, Жедринскихъ, Рославлевыхъ и др. Стоитъ архивнымъ комиссіямъ прибѣгнуть въ этомъ отношеніи къ болѣе настойчивой дѣятельности, и я увѣренъ, что ихъ собранія обогатятся значительнымъ матеріаломъ, комиссіямъ надобно кликнуть соответственный кличъ, перейти къ активной роли въ вопросѣ о сохраненіи частныхъ архивовъ, а не вращаться почти исключительно къ сферѣ однихъ канцелярій присутственныхъ мѣстъ. Я не могу не привести при этомъ для надлежащаго поученія драгоценнаго примѣра изъ практики архива лифляндскаго дворянства въ г. Ригѣ, который сумѣлъ выгодно воспользоваться архивами частныхъ лицъ путемъ усилен-

ной популяризации понятия о разницѣ между доку-
ментами научнаго характера и документами практиче-
скаго значенія. Представительство лифляндскаго дво-
рянства, будучи осведомлено, что во многихъ имѣні-
яхъ можно найти не мало документовъ, не представ-
ляющихъ для нынѣшнихъ владѣльцевъ практическаго
значенія, но интересныхъ въ научномъ отношеніи,
обратилось ко всемъ помѣщикамъ Лифляндіи съ
просьбою передать въ архивъ такіе документы и акты,
въ особенности времени до 1561 года, или дарствен-
нымъ путемъ, или заимообразно для просмотра и со-
ставленія описей. Просьба была принята лифляндскимъ
дворянствомъ съ большою готовностью. Изъ достав-
ленныхъ въ отвѣтъ на нѣс въ большомъ количествѣ
документовъ XV—XVIII вѣковъ составлено было осо-
бое отдѣленіе архива. Образовавшаяся такимъ путемъ
коллекція заключаетъ въ себѣ сотни нумеровъ, при-
чемъ къ періоду до 1561 года относятся 225 нуме-
ровъ, а изъ нихъ свыше 200 на пергаментѣ; древнѣй-
шій документъ въ этой коллекціи и во всемъ архивѣ
относится къ 1403 году. Вотъ какой архаическій актъ
попалъ изъ частнаго дворянскаго собранія въ главный
архивъ лифляндскаго дворянства въ г. Ригѣ.

Позвольте на этомъ высокой назидательности при-
мѣръ закончить мой докладъ и высказать въ заклю-
ченіе мысль, широкое распространеніе которой въ на-
шемъ общественномъ сознаніи для меня представля-
ется столько же необходимымъ, сколько и цѣннымъ.
19 февраля 1861 года былъ созданъ въ Россіи сво-
бодный крестьянскій трудъ. Фактъ освобожденія отъ
крѣпостной зависимости представляется въ русской дѣй-
ствительности колоссальнымъ по своимъ послѣдствіямъ

и своеобразнымъ по своему проявленію и развитію.
Пусть эта юридическая свобода крестьянской лично-
сти не полна, пусть она въ известной мѣрѣ придав-
лена крѣпостною общиной въ союзъ съ тяжкой бю-
рократической опекой, пусть мѣняется еще новое
19 февраля, которое должно призвать къ жизни сво-
бодную мобилизацию крестьянскихъ земель и свобод-
ный хозяйственный распорядокъ, нужды передѣловъ
и круговой поруки, создаваемый лицомъ, которому
неизвѣстно ни обаяніе розги, ни судовольствіе жить
безъ права свободного передвиженія — мы, люди на-
учнаго знанія и глубокаго интереса къ исторической
дѣйствительности, должны озаботиться объективнымъ
и всестороннимъ освѣщеніемъ факта 19 февраля, по-
мня нечислимые его послѣдствія и коренной пере-
ломъ всей русской жизни, имъ произведенный. Россія
1861 г. и Россія 1903 г. — вѣдь это двѣ совершенно
разныхъ страны, такъ изумителенъ за этотъ короткій
промежутокъ времени ростъ торговыхъ и промышлен-
ныхъ силъ, а слѣдовательно, видоизмѣненіе всего со-
ціально-экономическаго строя. Каждый замѣтный шагъ
современности напоминаетъ намъ послѣдствія освобо-
дительнаго акта, каждую минуту намъ приходится
разбираться въ этихъ послѣднихъ. Тѣмъ безпристраст-
нѣе, свободнѣе и смѣлѣе будутъ разбираться въ этихъ
иногда жестокихъ послѣдствіяхъ и наше общество, и
наше правительство, чѣмъ глубже будутъ наши свѣ-
дѣнія о самомъ фактѣ или, точнѣе говоря, о той сто-
ронѣ факта, которая можетъ наиболѣе рѣшительно
подаваться реальному учету и выразиться въ циф-
рахъ и таблицахъ, въ подсчетахъ и взвѣшиваніяхъ.

Въ архивѣ Императорскаго Историческаго Общества
въ Петербургѣ хранятся документы, относящіеся къ
1861 году, и въ томъ числѣ документы, относящіеся къ
19 февраля 1861 года.

Господа! 19 февраля 1911 года— не за горами¹⁾. Не далека и та минута, когда минетъ полустолѣтiе со дня великой реформы. При той головокружительной быстротѣ, съ какою мы, можно сказать, прожили эти полвѣка, неужели мы не подведемъ къ тому моменту нѣкоторыхъ итоговъ? Неужели наша наука въ остающiеся немногие годы не употребитъ, скажу прямо, героическихъ усилий, чтобы не разработать до мелочей тотъ *чисто научный* вопросъ, который въ наше время способенъ стать настольнымъ въ кабинетъ любого *практическаго* дѣльца? И такъ, надо приняться за дружную работу²⁾ по исторiи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, за работу по изученiю его основанiй, хода и результатовъ, (за подготовку блестящаго фона къ будущей картинѣ великаго полустолѣтiя 1861—1911 гг.)

Приложение къ запискѣ В. Н. Сторожева.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что къ указанной въ запискѣ работѣ примкнуть, помимо Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссiй, многие отдѣльные представители современной русской науки, и

Въ 1911 г. каждаго раза долженъ состояться XV археологическiй съездъ. Хочется мечтать, что отдѣленiе юридическихъ древностей и хозяйственнаго быта на этомъ съездѣ представитъ соответственную истекшему пятидесятилѣтiю (1861—1911 гг.) работу по всесторонней характеристикѣ крестьянской крѣпости. Желательно, чтобы XV съездъ былъ созванъ въ Петербургѣ или Москвѣ.

¹⁾ Ср. заключение моего отзыва о книгѣ В. И. Семевскаго: *Крестьяне въ царствованiи Екатерины Второй*. Спб. 1902 г. въ журналѣ «Мiръ Божiй». 1902 года, № 4, стр. 99—102. См. статью Ив. Проходнова «Нѣсколько данныхъ о помѣщичьемъ хозяйствѣ г.г. Полонскихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтiя» стр. 75—90 во второмъ выпускѣ XVII тома «Трудовъ рязанской ученой архивной комиссiи».

уже въ настоящее время въ распоряженiи автора записки имѣются отвѣты въ такомъ смыслѣ отъ нѣсколькихъ профессоровъ и ученыхъ, а равно ниже слѣдующая общая программа проектируемыхъ изслѣдованiй, составленная приватъ-доцентомъ Московскаго Университета Н. А. Рожковымъ и любезно предоставленная авторомъ въ мое распоряженiе для настоящей записки.

Программа:

- 1) Какъ велики размѣры даннаго имѣнiя?
- 2) Какова относительная величина барской и крестьянской (т. е. находящейся въ пользованiи крестьянъ) земли?
- 3) Каково распределенiе земли по угольямъ (усадебная земля съ огородами и коноплянниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгонъ) у барина и у крестьянъ?
- 4) Сколько крестьянъ въ имѣнiи и каковы размѣры ихъ надѣловъ?
- 5) Сколько дворовыхъ въ имѣнiи?
- 6) Существуютъ ли передѣлы крестьянской земли, и если существуютъ, то какъ часто?
- 7) Степень примѣненiя барщины и оброка въ имѣнiи?
- 8) Нѣтъ ли вольнонаемныхъ рабочихъ въ имѣнiи, и если есть, то мѣстные они крестьяне или приходцы изъ другихъ уѣздовъ или губернiй?
- 9) Нѣтъ ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или у постороннихъ за деньги или за отработки на барской папшѣ и на условiи испольщины (изъ половины или вообще изъ какой-либо доли урожая)?
- 10) Нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и

крестьянъ? 11) Какіе хлѣба сѣются, въ какомъ количествѣ и какъ густо? 12) Какова урожайность разныхъ хлѣбовъ? 13) Какія употребляются земледѣльческія орудія? 14) Не сѣются ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимоеевка)? 15) Какъ и въ какомъ количествѣ сбываются продукты земледѣльческаго производства бариномъ и крестьянами? 16) Что, гдѣ и въ какомъ количествѣ покупается бариномъ и крестьянами для потребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цѣлей? 17) Каковы размѣры оброковъ и степень тяжести барщины? 18) Нѣтъ ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если есть, то имѣется ли при этомъ въ виду собственное потребленіе или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначается для скупщика? Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ли раздачи сырья въ долгъ скупщиками? 19) Нѣтъ ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки? 20) Нѣтъ ли въ имѣніи эксплуатаціи какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предприятий (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если есть, то крестьяне того же помѣщика на нихъ работаютъ или посторонніе, на какихъ условіяхъ, добывается ли все сырье въ данномъ имѣніи, есть ли машина, куда и какъ сбываются продукты? 21) Чѣмъ заняты вообще дворовые и, въ частности, не отпускаются ли они на оброкъ, и если отпускаются, то куда и для какихъ занятій? 22) Состоитъ ли данное имѣніе въ залогѣ—на какихъ условіяхъ и и съ какого времени?» (Рѣчь о помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Россіи, стр. 102—103. Изд. Императорскаго Историческаго общества, 1877 г.)

и «Историческія описанія помѣщичьихъ имѣній въ Россіи XVIII столѣтія», стр. 75—90 во второмъ выпускѣ XVII тома «Трудовъ редакціи ученой архивной комиссіи».

3) Членъ Комиссіи О. В. Крыжановскій сдѣлалъ сообщеніе: Объ источникахъ для исторіи древне-русской одежды. Докладчикъ остановился лишь на живописныхъ и скульптурныхъ (барельефныхъ) источникахъ и, притомъ, относящихся по своему происхожденію непосредственно къ до-монгольскому времени. Изъ числа разсмотрѣнныхъ имъ памятниковъ обращаетъ на себя особенное вниманіе миниатюра Изборника Святослава, изображающая какъ самого этого князя, такъ и его семейство; несмотря на неясность рисунка, онъ можетъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для воспроизведенія древне-русскаго княжескаго костюма. Другія миниатюры того же Изборника даютъ образцы простонароднаго русскаго костюма; но онѣ плохо сохранились и представляютъ меньше интереса. Къ болѣе позднему времени относится, но также представляетъ большой интересъ изображеніе князя въ рукописи Чудова монастыря объ антихристѣ; изображеніе это даетъ нѣсколько новыхъ подробностей древне-русскаго костюма и можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ изображенію Изборника Святослава. Меньшее значеніе имѣютъ обронныя украшенія на стѣнахъ церкви Покрова на Нерли, близъ Боголюбова монастыря, и Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Изъ другихъ церквей, которыя сохранили въ себѣ изображенія съ образцами древне-русскихъ одеждъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя церковь Спаса въ Нередицахъ, близъ Новгорода. Фрески этой церкви и между ними фреска, изображающая новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, имѣютъ первостепенное значеніе. Совсѣмъ обратное значеніе имѣютъ фрески Кіево-Софійскаго собора.

3

Докладчикъ подробно остановился на фрескахъ лѣстницы этого собора и доказывалъ, что онѣ воспроизводятъ черты современнаго византійскаго придворнаго быта и для исторіи русскихъ одеждъ не имѣютъ никакого значенія. Въ заключеніе докладчикъ демонстрировалъ икону святыхъ Бориса и Глѣба XV—XVI в. и на ней показывалъ, какія новыя, современные художнику черты внесены въ изображенія одеждъ этихъ святыхъ.

4. Членъ Комиссіи Н. Н. Овсянниковъ прочиталъ начало своей статьи о Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ влияніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверскаго княжества; ни о новгородскомъ, ни о московскомъ влияніи на Тверь собственно онъ еще не говорилъ. Вся статья заключаетъ въ себѣ 8 главъ, прочитаны же были только первыя двѣ главы, въ которыхъ говорится о культурной связи Тверскаго княжества со всемъ русскимъ міромъ и съ Кіевомъ въ особенности, о возможности ростовскаго и смоленскаго влиянія на Тверь и о памятникахъ письменности, оставшихся для насъ свидѣтелями собственной тверской культуры. Главное желаніе референта заключается въ томъ, чтобы обратить вниманіе 2-го областного Тверскаго археологическаго съѣзда, имѣющаго быть въ августѣ 1903 года, на культурную исторію Тверскаго края въ эпоху независимости тверскаго княжества, чтобы определить точнѣе влияніе на Тверь Новгорода и Москвы. Вопросъ объ этихъ влияніяхъ почти не разработанъ въ мѣстной исторіи; материалы, относящіеся къ нему, далеко не все собраны и самыя заключенія, вытекающія изъ нихъ, во многомъ могутъ казаться спорными, такъ что требуютъ еще тща-

тельнаго пересмотра и изученія. Предстоящій съездъ могъ бы помочь обсужденіемъ собранныхъ материаловъ и указаніемъ, можетъ быть, новой постановки самаго вопроса, если бы обратилъ на него свое благосклонное вниманіе. Вся статья референта можетъ быть названа скорѣе программой культурной исторіи Твери въ эпоху самостоятельности Тверскаго княжества, въ трудѣ же г. Борзаковскаго о Тверскомъ княжествѣ разработана одна политическая, а не культурная исторія.

Культурная жизнь Твери, во время независимости ея княжества, должна быть представлена въ соединеніи, а не въ раздѣленіи, съ остальнымъ культурнымъ Русскимъ міромъ. Само Тверское княжество было только частью цѣлаго русскаго міра и сходство его съ нимъ было во много разъ сильнѣе, чѣмъ различіе. Исторія Тверскаго княжества совпадаетъ съ самыми мрачными временами русской исторіи, когда Русь находилась подъ игомъ татаръ, а на долю Твери выпадало такъ много отъ татарскихъ опустошеній за ея неповиновеніе Орду. Московское княжество, переживъ тяжелыя времена татарщины, справившись по своему съ препятствіями и затрудненіями, увидѣло и лучшія времена, а Тверь такъ ихъ и не видала. Въ татарское время вездѣ на Руси, развѣ за малыми только исключениями культура понизилась, а въ московскомъ княжествѣ даже болѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ, такъ что нѣкоторые современные московскіе князья не умѣли даже писать. Одинъ Новгородъ находился тогда въ лучшемъ положеніи, потому что уцѣлѣлъ отъ татарскаго погрома и сохранилъ вполнѣ свою образованность; Кіевъ же, напр., разрушенный Батыемъ, долгое время

почти не существовало. Новгородское влияние на Тверь вообще началось раньше Московского, которое заметно стало впервые с распространением монастырской жизни в Тверском крае по образу монастырей преп. Сергия. Тверь, в начале независимаго своего княжества, по образованности стояла выше Москвы, тѣмъ не менѣе культура Твери, судя по сохранившимся памятникамъ ея письменности, была тоже не высока, и въ ней замѣчаемъ мало разнообразія. Перечисляя памятники письменности и духовнаго творчества, мы увидимъ, что они представляютъ далеко не богатый духовный капиталъ. Смягчающимъ обстоятельствомъ для Твери служитъ то, что и въ другихъ княжествахъ за время татарскаго владычества не многимъ было лучше. Новгородъ, несомнѣнно, имѣлъ влияние на Тверь, но это не было сильное постороннее влияние. Самъ Новгородъ не столько думалъ о своемъ образованіи, не столько занимался духовной производительностью, сколько занимался торговлей. Затѣмъ референтъ перечислилъ вкратцѣ, что осталось въ области письменности отъ времени независимаго Тверскаго княжества. Вотъ какіе главнѣйшіе письменные памятники характеризуютъ культуру Твери за это время:

- 1) Легенда объ основаніи Тверскаго Отроча монастыря, вѣроятно, въ настоящей редакціи позднѣйшаго происхожденія.
- 2) Наставленіе перваго Тверскаго епископа Симеона.
- 3) О преставленіи великаго князя Михаила Ярославича и сказаніе о пребываніи и смерти Михаила въ Ордѣ, замѣчательное потому, что они едва-ли не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ казаться спорными, такъ что требуютъ еще тща-

гдѣ описываемое лицо рассматривается, какъ историческій дѣятель, а не съ точки зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ нравственный образъ для подражанія.

- 4) Тверская былина о Шелканѣ Дудетьевичѣ.
- 5) Посланіе о раѣ.
- 6) Житія св. Арсенія и другихъ Тверскихъ угодниковъ Божіихъ. Изъ сѣверныхъ русскихъ удѣльных княжествъ Ростовъ и Тверь особенно богаты святыми и подвижниками благочестія: Ростовъ имѣетъ болѣе 20 святыхъ, а Тверская область болѣе 40.
- 7) Патерикъ Печерскій, редакція св. Арсенія. Какъ древнѣйшій списокъ, онъ гораздо важнѣе позднѣйшаго, принадлежащаго печерскому уставнику Кассіану. Рукопись эта, подъ именемъ Берсеневаго пергаменаго списка, находится нынѣ въ С.-Петербургѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а какъ туда попала—неизвѣстно.
- 8) Сказаніе о Донскомъ побоищѣ, занесенное въ Тверскую лѣтопись. Тогда какъ многіе отрицали даже самое присутствіе тверитянъ на Донскомъ побоищѣ, въ Тверской лѣтописи сохранилось извѣстіе, что въ числѣ убитыхъ на побоищѣ было 74 Тверитянъ.
- 9) Повѣсть о Плавѣ и о послѣдующей затѣмъ ссорѣ Москвичей и Тверитянъ. Она помѣщена въ исторіи Тверскаго княжества Борзаковскаго, стр. 183, 184.
- 10) Путешествіе Аонасія Никитина въ Индію.
- 11) Пословицы и поговорки.
- 12) Тверская лѣтопись. Болѣе подробно референтъ сказалъ о послѣдней. Тверская лѣтопись въ настоящемъ своемъ видѣ, состоитъ изъ двухъ лѣтописныхъ

компиляций: первая говорит о событиях отъ начала Руси до 1255 г., вторая доводитъ рассказъ до 1499 г. Первая половина составлена въ 1534 г. какимъ-то ростовскимъ селяниномъ, получившимъ самое скудное образование. Онъ пользовался спискомъ Софійской I лѣтописи, а также Новгородской I лѣтописью и сокращенной редакціей Лѣтописца великаго русскаго, составленнаго по распоряженію митрополита Фотія въ 1423 г. и названнаго академикомъ Шахматовымъ, специалистомъ по изученію лѣтописей, Владимірскимъ Полихрономъ. Но въ Твери велась ранѣе своя лѣтопись, списковъ съ которой не сохранилось. Извѣстно только, что во Владимірскомъ Полихронѣ были уже сдѣланы изъ нея выписки, напр. взяты были части ея до 1413 г. и перенесено было сюда посланіе новгородскаго архіепископа Василя тверскому владыкѣ Оедору. Нѣтъ сомнѣнія, что эта тверская лѣтопись составила подъ влияніемъ новгородскаго лѣтописанія. Въ заключеніе референтъ считаетъ возможнымъ высказать предположеніе, что и, кромѣ названныхъ памятниковъ письменности, принадлежащихъ прямо Твери, могутъ служить характеристикой духовной ея жизни въ эпоху самостоятельности ея княжества, сохранившіяся въ Тверскомъ Музеѣ, въ отдѣлѣ рукописей, разныя древнія русскія повѣсти. Таковы будутъ напр. сказанія о царѣ Синагригѣ (или «Слово о премудромъ Акирѣ»), представляющія переработку сказокъ 1001 ночи; Александрія; исторія Варлаама и Лоасафа, воспѣвающая красоты пустыни, напоминающая исторію Будды, но только въ христіанской передѣлкѣ, и т. п. Попали ли эти повѣсти изъ Новгорода? — весьма возможно. Въ литературѣ повѣстей, какъ и вообще въ древней пись-

менности, мы видимъ постоянное отсутствіе хронологіи. Нигдѣ не отмѣчалось ни время появленія того или другого памятника, ни имя книжника, который потрудился надъ переводомъ, ни посредника, черезъ котораго дошелъ до насъ тотъ или другой литературный памятникъ. Заимствованія многихъ апокрифовъ, и не одной Твери, изъ Новгорода и знакомство съ ними тверичей, что мы видимъ напр. изъ посланія о раѣ, дѣлаютъ возможнымъ заключеніе о сближеніи Новгорода съ Тверью въ духовной сферѣ и о влияніи его на Тверь болѣе сильнымъ, чѣмъ московское.

5. Членъ Комиссіи М. В. Рубцовъ доложилъ о времени происхожденія кольчуги, хранящейся въ Тверскомъ Музеѣ подъ № 955.

«2 марта 1902 года я получилъ отъ священника села Еськи Бѣжецкаго уѣзда А. П. Флоренскаго три монеты, вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ происхожденіе одной изъ нихъ описывается такими чертами, которыя между прочимъ совершенно случайно проливаютъ новый свѣтъ на время происхожденія кольчуги, отнесенной барономъ Вл. Ев. Тизенгаузенемъ къ XIII вѣку. Вотъ подлинныя слова этого письма: «Посылаю Вамъ серебряную монету малаго размѣра. Исторія этой монеты такая: моя бабушка Евдокія Алексѣевна благословила меня ею при поступленіи моемъ въ семинарію въ 1869 году. Бабушка умерла въ 1873 году 98 лѣтъ, а ее благословила къ вѣнцу этой монетою ея бабушка, умершая въ концѣ семисотыхъ годовъ въ глвокой старости. И вотъ что передавала мнѣ моя бабушка объ этой монетѣ, слышанное отъ думать одно изъ двухъ: или то, что самый ранній

своей бабушки. Бояры Милоковы чинили дорогу от села Поддубья через село Островки в село Треть-Молдино; владельцы всех трех сел — Поддубье, Островки и Треть-Молдино — были родные братья г. Милоковы. Разрывая Грановския горы около Трети, нашли мужики железную рубаху, а в ней ислѣвшія кости; когда стали вынимать изъ земли эту находку, то увидали около нея кожаный мѣшокъ съ деньгами; мѣшокъ (кошель), какъ видно, былъ въ рукѣ; стали вынимать мѣшочекъ: изъ него посыпались серебряныя монетки, потому что мѣшочекъ разшился отъ тлѣнія. Монетки мужики похватили себѣ и ей прапращуркѣ моей одну дали (она тутъ была), а изъ железной рубахи вытряхнули кости и снесли ее къ барину г. Милокову, а сынъ этого Милокова отдалъ ее въ Тверь, въ Музей. Посмотри, братъ, въ Музеѣ кольчугу, какихъ она временъ, такихъ же временъ и монетка; нѣтъ-ли описанія Музея и догадки объ ней какой: къ какому времени она относится; да нѣтъ-ли на кольчугѣ годовъ? Кольчуга найдена довольно глубоко зарытою въ горѣ Граново и съ деньгами. Въ Грановѣ горъ наривныхъ очень много, а есть даже какіе-то хребты (валы) и очень длинныя и высокіе; не было-ли тутъ какого городища? Не мѣшало-бы археологамъ по настоящему изслѣдовать эти горы: въ нихъ для исторіи Россіи и много найдется цѣннаго. Отъ Евановскаго полустанка Рыбинско-Бологовской жел. д. — въ ю-ти верстахъ, владѣтель этихъ горъ теперь — Иванъ Ивановичъ г. Сперанскій, — а другого конца горъ владѣтель — г. Фрезе, каретный мастеръ Его Величества. Я на этихъ горахъ и выросъ, очень любилъ по нимъ лазить: я вѣдь уроженецъ села

Молдина. Посылаю и тебе монетки, но онѣ не столь замѣчательны, а съ серпомъ найдена сыномъ въ горѣ, въ землѣ. И справляясь съ «описаніемъ Тверскаго Музея» А. К. Жизневскаго, находимъ здѣсь слѣдующія строки: «Юшпанъ, кольчуга въ родѣ полукафтана: грудь и спина составлены изъ стальныхъ дощечекъ, связанныхъ кольцами. На дощечкахъ имѣются арабскія надписи, отчеканенныя серебромъ. Кольчугу эту извѣстный нашъ археологъ-оріенталистъ Вл. Ев. Тизенгаузенъ относитъ къ XIII столѣтію; имъ разобраны на ней, кромѣ изреченій изъ Корана, нѣкоторыя арабскія слова, какъ-то: «Султанъ», «Всевѣдущій», «Али», «Меликъ». Кольчуга эта найдена въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, въ имѣніи помѣщика Н. П. Милокова, въ 3-хъ верстахъ отъ селца Островковъ, на землѣ селца Треть-Молдина, въ хребтѣ горы, покрытой лѣсомъ, при выемкѣ земли. Судя по тому, что селцо Треть-Молдино окружено курганами, относящимися, вѣроятно, къ времени монгольскаго ига, должно предполагать, что и самая кольчуга находится въ связи съ событіями того же времени. Кольчуга эта пожертвована въ Музей Н. Н. Милоковымъ» (стр. 190) Очевидно, что рѣчь идетъ о той же самой кольчугѣ, о которой говорится и въ письмѣ. Разсматривая же монету, находимъ на лицевой ея сторонѣ изображение всадника вправо, копьемъ поражающаго змія, а на оборотной четырехстрочную надпись: **.N. | Р.ЫВА. | ЧЫ | ВЪСЯР | УСІИ**, т. е. это деньга царя Федора Ивановича.

Заключение, къ которому, повидимому, нужно притти на основаніи этого факта, слѣдующее. Нужно думать одно изъ двухъ: или то, что самый ранній

годъ, въ который кольчуга могла быть въ послѣдній разъ надѣта воиномъ, не превышаетъ 1598 года, когда умеръ Федоръ Ивановичъ (позднѣе, конечно, она могла быть и на шведѣ, и на полякѣ и на русскомъ въ смутное время) или то, что на тѣлѣ воина была кольчуга, имѣвшая уже почтенную древность — болѣе 300 лѣтъ. Какъ вѣрнѣе думать — рѣшать болѣе насъ свѣдущіе.

Въ надписяхъ, прочитанныхъ барономъ Тизенгаузеномъ на пластинкахъ кольчуги, также повидимому нѣтъ ничего противорѣчающаго возможности отнесения ея къ концу XVI вѣка¹⁾.

6. Членъ Комиссіи Н. Н. Овсянниковъ доложилъ о входныхъ западныхъ дверяхъ въ Троицкой соборной церкви Успенскаго женскаго монастыря въ гор. Александровѣ.

Въ историческомъ и археологическомъ описаніи первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ (Владимірской губ.), составленномъ въ 1884 году бывшимъ настоятелемъ Троице-Сергіевой лавры архимандритомъ (Кавелинымъ) Леонидомъ, на стр. 94—95, читаемъ слѣдующее:

«Другія (кромѣ Васильевскихъ новгородскихъ дверей) входныя западныя двери въ Троицкой соборной церкви (Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ) состоятъ изъ мѣдныхъ листовъ, покрывающихъ деревянныя двери, и кромѣ рѣзныхъ рельефовъ

¹⁾ Остальныя двѣ монеты, присланныя мнѣ священникомъ А. П. Ф., не имѣютъ особеннаго интереса: одна плохой сохранности Екатеринбургская копейка, а другая серебряная иностранная монета 1830 года, съ надписью: 3 Kreuzer. Landstunde (за серію описателя приняты сохранившіеся нижнюю половину цифры 3.

по филенкамъ и наличнику не имѣютъ никакихъ украшеній; отличаются простотою и величіемъ древняго греческаго искусства. На одной половинкѣ оныхъ въ верхнемъ переплетѣ вставленъ рѣзной образъ св. Троицы подъ Маврійскимъ дубомъ съ надписью надъ ликами: «*Ἄγια Τριάς*»; на другой половинѣ нѣтъ никакого соответствующаго оному изображенія. И этотъ памятникъ, должно думать, вывезенъ царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, какъ полагаютъ, изъ Твери, гдѣ, какъ извѣстно, онъ жилъ нѣкоторое время предъ разгромомъ Новгорода въ 1569 году».

Н. Н. Овсянниковъ предложилъ снести съ Владимірской Архивной Комиссіей и просить, не найдеть ли она возможнымъ прислать фотографическій снимокъ съ этого древнѣйшаго Тверскаго церковнаго памятника для Музея и высказать о происхожденіи его свое мнѣніе.

Постановлено: Предложеніе Н. Н. Овсянникова исполнить.

7) Доложено письмо И. Е. Забѣлина на имя Предсѣдателя отъ 22 января:

«Усерднѣйше прошу Васъ засвидѣтельствовать предъ достоуважаемою Тверскою Ученою Архивною Комиссіею мою искреннѣйшую глубокую благодарность за лестное для меня въ высокой степени избраніе въ Почетные Члены».

8. Доложено письмо члена Комиссіи В. И. Срезневскаго:

«Въ библиотекѣ Академіи Наукъ находится рукопись съ привѣтствіемъ Якову Александровичу Брюсу,

Новгородскому и Тверскому Губернатору. Рукопись эта, конечно, должна быть интересна для лицъ, занимающихся исторіей Твери, и я съ удовольствіемъ готовъ представить описаніе ея въ Комиссію. Но меня смущаетъ вопросъ: не списокъ ли эта рукопись, не хранится ли подлинникъ ея въ Твери. Всѣ привѣтствія сочинены въ Тверской семинаріи, но по какому поводу не видно: знаки бумаги 1781 года (а около 1781 г. Брюсъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ).

Постановлено: Сообщить В. И. Срезневскому, что упоминаемой рукописи въ Твери вовсе нѣтъ и просить его сдѣлать описаніе рукописи.

9. Показаны три пожертвованныя членомъ Комиссіи И. К. Линдеманомъ гравюры, приобретенныя имъ у одного изъ заграничныхъ букинистовъ: 1) Раскрашенная гравюра: *Vue de la ville de Twer En Russie*. На гравюрѣ видъ Тверского кремля со стороны Волги съ земляными укрѣпленіями по берегу рѣки. 2) Гравюра *Vue de la Ville de Twer*. На гравюрѣ почти тотъ же самый видъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. 3) Гравюра: *Chapelle et Village près de Twer (1839)*. На гравюрѣ изображена старинная каменная церковь, крытая деревянной крышей съ бревенчатой на каменномъ фундаментѣ колокольней. И. К. выразилъ желаніе, чтобы эти гравюры были помѣщены въ Музеѣ въ рамкахъ и чтобы въ Музеѣ были собраны другія въ томъ же родѣ гравюры съ видами Твери.

Постановлено: Гравюры сдать въ Музей и просить хранителя Музея повѣсить ихъ въ рамкахъ, И. К. Линдеману выразить благодарность.

10. Показанъ фотографическій снимокъ съ камня, находящагося на лѣвомъ берегу р. Волги, бл. д. Дмитровское на восьмой верстѣ выше г. Твери, доставленный С. Д. Олышевымъ. На камнѣ слѣды надписи и крестъ въ видѣ ствола, изъ котораго вверху выходятъ въ разныя стороны два дугообразныхъ конца. Камень по всей вѣроятности былъ надгробной плитой.

Постановлено: Приобрѣсти камень для храненія въ Музеѣ.

11. Предсѣдатель доложилъ, что въ день исполняющагося двадцатипятилѣтія С.-Петербургскаго Археологическаго Института и вмѣстѣ профессорской дѣятельности въ Институтѣ его Директора Н. В. Покровскаго (15 января сего 1903 года) имъ были отправлены два привѣтствія: а) директору Института Н. В. Покровскому: «Въ день двадцатипятилѣтія Института, справляющаго вмѣстѣ и Вашъ профессорскій юбилей я и мои сочлены, видя въ Васъ достойнаго преемника незабвеннаго основателя Археологическаго Института и Губернскихъ Архивныхъ Комиссій Н. В. Калачова и счастливаго завершителя его патриотическихъ плановъ, считаемъ для себя приятнымъ долгомъ принести Вашему Превосходительству сердечное поздравленіе и выразить глубокую признательность за Ваше всегдашнее заботливое вниманіе къ дѣятельности Архивныхъ Комиссій» б) Археологическому Институту: «Тверская Ученая Архивная Комиссія горячо привѣтствуетъ двадцатипятилѣтіе плодотворной дѣятельности Института, пробудившаго въ русскихъ людяхъ любовь къ занятіямъ своей исторіей, внушившаго уваженіе къ

памятникамъ отечественной старины, заботу о сохраненіи ихъ и изученіи»

12. Доложенъ денежный отчетъ Комиссіи за 1902 г.

Отъ 1901 къ 1902 г. оставалось въ наличными	24 р. 72 к.
% бумагами	300 р.

Итого 324 72

Въ 1902 г. поступило наличными деньгами:

Отъ Тверской Губернской Земской Управы 800 р.

Уѣздныхъ Земскихъ Управъ:

Тверской	100 р.
Осташковской	25 р.
Корчевской	50 р.
Кашинской	50 р.

Городскихъ Управъ:

Кашинской	25 р.
Старицкой	35 р.
Весьегонской	35 р.
Вышневолоцкой	25 р.
Калязинской	50 р.

Конторы товарищества мануфактуры Прохорова съ сыновьями 250 р.

деману выразить благодарность.

Руб. К.

Отъ членовъ Архивной Комиссіи:

Н. В. Буева	5 р.
Архимандрита Арсенія	5 р.
В. А. Сназина	25 р.
Н. Я. Михайловскаго	10 р.
Кашинскаго городского головы на отпечатаніе переписной книги г. Кашина	100 р.
П. Э. Симсона на отпечатаніе изслѣдованія о каменномъ вѣкѣ	50 р.
Неизвѣстнаго	2 р.

Итого пособій 1632

За отдаваемое въ наемъ помѣщеніе 130

— проданныя изданія Архивной Комиссіи 313 85

% начисленныхъ по книжкѣ сберегательной кассы за 1901 годъ 17 р. 18 к.

и на 300 р. % бумагъ % полученныхъ въ 1902 году 11 р. 40 к.

Итого 28 58

Итого въ 1902 г. въ приходѣ 2104 43

А съ остаточными отъ 1901 года:

деньгами	2129 р. 15 к.
% бумагами	300 р.

Итого 2429 15

Въ 1902 г. въ расходѣ наличными деньгами:

На отпечатаніе изданій и журналовъ за

	Руб.	К.
сѣданій Архивной Комиссии	975	>
Библиотекарю Воронину	60	—
Разсылнымъ	15	р.
Разнымъ лицамъ за занятія по Музею и переписку книгъ и журналовъ:		
Покровскому	96	р.
Никольскому	75	р.
Сокольскому	24	р. 40 к.
Новоселову	15	р.
Ласточкину	5	р.
Буеву	3	р.
Дюкову	3	р.
Чертежнику за работу по составленію археологической карты	20	р.
Итого	241	40
— Столяру Гонгаеву за три шкафа для хра- ненія книгъ и изданій Комиссии по 55 руб. каждый	165	>
По окладнымъ листамъ городского и зем- скихъ сборовъ	15	49
За переплетъ книгъ	39	р. 70 к.
— пересылку тюковъ и пр.	41	р. 22 к.
Итого	80	92
Итого въ расходъ	1552	81

Къ 1-му января 1903 г. осталось на лицо:
наличными деньгами , 576 р. 34 к.
% бумагами 300 р. > —

Руб. К.

876 34

Въ томъ числѣ:

Суммъ Архивной Комиссии . 769 р 14 к.
Залогъ мѣщанина Жукова . 100 р. > —
и на нихъ % за 1901 и 1902 г.г. 7 р. 20 к.
итого 107 р. 20 к.

13. Доложено о полученіи рукописи П. Э. Симсона: «О каменномъ вѣкѣ подлѣ Ржевомъ» ¹⁾. Къ рукописи приложены восемь таблицъ снимковъ съ орудій каменнаго вѣка, въ текстѣ находятся рисунки. П. Э. вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ въ Комиссію 50 р. на изданіе рукописи и предлагаетъ ее напечатать.

Постановлено: Напечатать рукопись П. Э. съ приложеніемъ таблицъ и рисунками въ текстѣ въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ.

14. По предложенію Предсѣдателя избраны въ члены Комиссии: Михаилъ Герасимовичъ Ахумовъ, Николай Арсеньевичъ Басовъ, Владиміръ Васильевичъ Ливотовъ, Петръ Петровичъ Чернышевъ, Григорій Николаевичъ Шмелевъ.

¹⁾ См. журналъ 85 засѣданія, ст. 1.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссии.

Тверь. Типографія губернскаго правленія.

Руб. К.

1-му января 1903 г. оставшихся на лето

Библиотечка Карла Линнея. 22 р. 34 к.

Разные книги. 15 р.

В. Г. Тома. 75

Сумма Архивной Комиссии. 100 р.

Покровскому. 7 р. 30 к.

Никольскому. 75 р.

Доможеро. 13

«О каменном» 13

П. П. О. 20 р.

Постановлено: 40

Столяру Гонгабу. 14

Михаилу Терехову. 14

Петрову. 14

За переплет книг. 14

пересылку тюковъ и пр. 11 р. 22 к.

26 р. 22 к.

Табель. 26

Табель. 26